Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 136–142 DOI: 10.17223/15617793/384/24

УДК 93 (282.247-34) «632»

А.В. Черкасов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАНКИ ПАЛЕОЛИТА В КРЫМУ: К ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматриваются этапы и особенности поисков, изучения и интерпретации останков палеоантропов на территории Крымского полуострова в течение XX в. Главное внимание сосредоточивается вокруг таких эталонных памятников первобытной истории региона, как Киик-Коба, Староселье, Заскальная V–VI, Буран-Кая.

Ключевые слова: первобытная история и археология Крыма; палеоантропы; мустье; неандертальцы; палеолитические антропологические остатки; первобытный памятник; историография первобытной истории; теория антропогенеза.

Антропологические останки эпохи палеолита – явление довольно редкое в мировой науке. При этом еще в середине прошлого века академик Алексей Павлович Окладников, рассуждая о важности исследований захоронений палеоантропов, отмечал, что подобные находки бесценны не только по причине предоставления характеристики физического типа человека столь отдаленных эпох, но и информацией о его сознании, идейных представлениях и мировоззрении вообще [1. С. 160, 161]. Цель настоящей публикации – рассмотрение этапов и особенностей выявления, изучения и интерпретации антропологических останков палеолитического времени на территории Крымского полуострова в течение XX в.

Как известно, в 1924 г. археолог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский [2] в процессе раскопок грота Киик-Коба (в 25 км к востоку от Симферополя, 20 км на юго-запад от Белогорска и в 7 км к югу от пгт. Зуя) обнаружил костные останки взрослого неандертальца и ребенка раннего возраста (рис. 1).

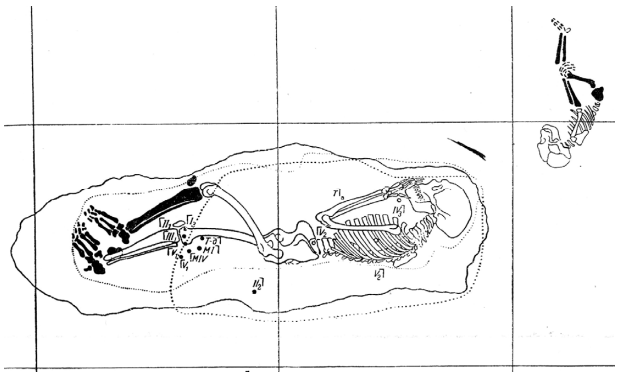

Рис. 1

Первый палеоантроп находился в искусственной прямоугольной яме следующих параметров: 210 × × 80 × 54 см. При этом собственно яма частично была прорыта в толще суглинка, который подстилал культурный слой, а частично врезана в скалистую основу грота. Подобный факт Г.А. Бонч-Осмоловский интерпретировал как подтверждение существования среди неандертальцев Крыма определенного обряда погребения. В западной части погребальной ямы в анатомическом порядке сохранились кости правой голени и полностью обеих стоп погребенного. Кроме этого, были найдены 2 запястья, 2 пяточные кости, 5 фаланг, 18 костей кисти руки и 1 зуб. К сожалению, большинство частей указанного скелета оказалось выброшенными в процессе создания новой, достаточно глубокой ямы, которую вырыл другой мустьерский человек – современник верхнего культурного слоя Киик-Кобы. Несмотря на нарушение первоначального положения скелета, Г.А. Бонч-Осмоловский по уцелевшим костям восстановил положение погребенного, установив, что захоронение осуществлено на правом боку со слегка подогнутыми ногами, которые упирались в западный край могильной ямы [3].

Другой скелет, детский, находился непосредственно на скальном днище пещеры в 30 см от северного угла могильной ямы, на левом боку в скорченном положении. Кроме черепа и зубов, почти все части скелета уцелели, однако по причине несовершенства метода закрепления костей (для начала XX в.) остатки были извлечены с потерями. Выяснить, к какому именно культурному слою относилось детское погребение, было невозможным, так как на участке раскопок верхний и нижний слои не разделялись стерильной прослойкой. Выявить контуры второй могильной ямы также не удалось. Тем не менее после некоторых сомнений Г.А. Бонч-Осмоловский осторожно предположил, что захоронение относилось к верхнему культурному слою.

Открытие на стоянке Киик-Коба стало первой находкой костей мустьерского человека не только на территории Крыма и Украины, а всего СССР в целом (если не учитывать утерянные кости человека, найденные Константином Сергеевичем Мережковским в Качинском навесе в 1879 г., и коренной зуб, обнаруженный Г.А. Бонч-Осмоловским на стоянке Сюрень I) [4. С. 13].

Неординарное значение останков заставили ученого весной 1925 г. поднять вопрос об организации специальной комиссии для детализированного исследования стоянки. В июле 1925 г. Главнаукой при поддержке Антропологического института имени Дмитрия Николаевича Анучина при Первом МГУ такая комиссия была создана в составе антрополога, профессора Виктора Валериановича Бунака, и археологов – Василия Алексеевича Городцова и Бориса Сергеевича Жукова. 22 июня 1925 г. комиссия прибыла на место раскопок и приняла участие в исследованиях. Наблюдения членов комиссии нашли отражение в постановлении, где признавалась исключительная важность грота Киик-Коба для мировой науки и подтверждались основные научные выводы Г.А. Бонч-Осмоловского. В частности, В.В. Бунак указывал, что «регион северных предгорий Яйлы имеет исключительный интерес как одно из немногих в СССР мест проживания ископаемого человека» [5. С. 128, 129].

В дальнейшем кости взрослого неандертальца детально изучались Г.А. Бонч-Осмоловским (1941, 1954), кости ребенка – чешским антропологом Е. Влчеком (1976). Важные дополнения к исследованию этих останков осуществили Дмитрий Герасимович Рохлин (1965) и Всеволод Петрович Якимов. К примеру, по мнению Д.Г. Рохлина, костные останки взрослого человека, вероятно, принадлежали женщине в возрасте около 35 лет, 155–159 см ростом. На ее костях не сохранилось признаков, которые свидетельствовали о длительной нетрудоспособности. Следовательно, резюмировал Д.Г. Рохлин, смерть женщины наступила, вероятно, от острого, стремительно протекающего заболевания. Примерный возраст второго киик-кобинца был установлен в пределах 6–8 месяцев. Такие возрастные соотношения похороненных в Киик-Кобе и собственно положение скелетных останков вблизи друг от друга позволили сформулировать гипотезу об их филогенетическом единстве и родстве (мать и ребенок). Сравнительный анализ костей конечностей взрослого неандертальца и ребенка указывал, что последние в основном сохраняли пропорции взрослых, отличаясь от современного ребенка [6. С. 61]. Описания и интерпретация уникальных антропологических останков из Киик-Кобы было представлено в двух монографиях Г.А. Бонч-Осмоловского, а также в ряде статей и общих трудов антропологического характера. В течение 1926 г. были проведены завершающие работы на стоянке и исследован склон яйлы. Однако останков первобытного человека обнаружено не было. Такую ситуацию Г.А. Бонч-Осмоловский оптимистично объяснял исключительно вопросом времени.

После открытия палеолитического человека из Киик-Кобы поиски палеоантропов на полуострове продолжились. Однако положительного результата пришлось ждать почти 30 лет. В этом контексте, указывая на важность таких поисков для официальной науки, 27–28 апреля 1949 г. на совещании по проблемам происхождения *Homo sapiens* в Институте этнографии АН СССР было высказано мнение о возможности открытия в верхнем мустье останков человека более прогрессивного типа по сравнению с находками в Израиле (пещерах Схул и Кебара на горе Кармель). Дальнейшее выявление антропологических останков в Староселье частично подтвердило и эту гипотезу [7. С. 38, 39].

23 августа 1952 г. краеведом и археологом-любителем В.П. Кацуром была локализирована и описана мустьерская стоянка Староселье (окраина Бахчисарая), а в течение следующих лет (1952–1956) памятник комплексно исследовался экспедицией под руководством Александра Александровича Формозова [8. С. 229]. 24 сентября 1953 г. последним в шурфе, заложенном в центре южной ниши на глубине 70–90 см, было найдено захоронение ребенка (рис. 2) [9. С. 6].

Скелет длиной 82 см занимал юго-восточную сторону метрового квадрата, находясь поперек продольной оси навеса, черепом в сторону балки (на запад), в вытянутом положении. Следует подчеркнуть, что в отличие от сохранности останков киик-кобинского палеоантропа, на Староселье присутствовал полный набор костей, а их размещение оказалось анатомически правильным. Лучше всего сохранились фрагменты раздавленного черепа, шейные, грудные, поясничные позвонки, хуже – кости ног. Правая рука была согнута в локте и положена на таз; кости левой, за исключением четырех фаланг кисти, также покоились на тазе, однако практически не сохранились.

Рис. 2

Для изучения находки на стоянку прибыла комиссия в составе известных антропологов Якова Яковлевича Рогинского (председатель), Сергея Николаевича Замятнина, Михаила Михайловича Герасимова. Последний ювелирно провел сложную работу по извлечению скелета монолитом и реставрации черепа. После подробного обследования и интерпретаций комиссия пришла к следующим выводам: об отсутствии следов нарушения слоя впускной ямы с поверхности; о возрасте похороненного ребенка в пределах от 1,5 до 3 лет (по данным Я.Я. Рогинского – 1 год 6 месяцев); о принадлежности данного объекта к типу древнего человека, который интегрировал черты неандертальца и кроманьонца с преобладанием последних.

Относительно последней позиции был проведен обстоятельный компаративный анатомическо-антропологический анализ (таблица).

Неандерталоидные признаки	Признаки кроманьонца	Признаки *Homo sapiens*
Общая массивность костей свода, в частности в нижней области лобной кости	Неповоротливость орбит	Крутой лоб
Слишком большие размеры вторых молочных коренных зубов обеих челюстей и большие размеры медиальных резцов	Относительно малая высота лица	Наличие подбородочного выступа
Слишком большая величина постоянных коронок формирующихся коренных зубов	Относительно большая ширина лица	Клыковые ямки
Слишком большая уплощенность и ширина фронтальной части альвеолярной дуги нижней челюсти	Относительно большая мощность тела лицевой кости	–
Слабое развитие сосцевидных отростков	–	–

По мнению Комиссии, археологические данные позволяли со значительной вероятностью отнести костные останки человека из Староселья к верхнемустьерской эпохе. При этом в антропологическом отношении найденный скелет имел ряд примитивных черт, что существенно отличало его от современных людей того же возраста. В дальнейшем члены Комиссии посчитали необходимым проведение сравнительных анализов костей человека и костей животных из пещеры Староселье методом точных наук (фторовый, прокаливание, карбон 14 и т.д.), а также тотальное исследование пещеры Староселье на предмет возможного выявления новых палеоантропологических находок [10. С. 41].

С официальными выводами согласилось большинство специалистов в области антропологии, археологии и истории на совместном заседании Ученых советов Института этнографии, Института истории материальной культуры АН СССР и Института антропологии МГУ. В то же время антропологические останки из Староселья стали предметом ряда научных дискуссий.

Например, С.Н. Замятнин обратил внимание на вытянутое положение скелета, в то время как обычно все неандертальцы обычно обнаруживались в определенной степени в скорченном положении [11]. Многие исследователи выразили сомнение не только в существовании погребального обряда в эпоху мустье, а даже в умышленном захоронении неандертальцев [12. С. 153]. Однако находка почти полного скелета ребенка свидетельствовала, что тело было намеренно похороненным, а не брошенным на площадке мустьерского поселения. М.М. Герасимов и А.А. Формозов по этому поводу заняли нейтральную позицию, указывая, что в Староселье яму для умершего не выкапывали, а тело ребенка было просто прикрыто землей, собранной рядом.

Отметим, что вопрос о структуре и организации мустьерских захоронений является проблематичным и в наше время. При этом современные научные данные все чаще подтверждают гипотезу, что среди неандертальцев существовали определенные способы и ритуалы захоронения. Речь идет о примитивных погребальных обрядах, а следовательно, и соответствующих представления о физической смерти.

Нетрадиционной оказалась ориентация захоронения в Староселье. А.А. Формозов, проведя сравнение с захоронениями во Франции и Палестине, пришел к выводу о закономерности в положении мустьерских погребений: голова – на восток или запад по принципу антитезы, хорошо известной для аналогичных памятников более позднего времени.

Однако по-настоящему дискуссионной стала антропологическая характеристика находки. Так, Михаил Антонович Гремяцкий, Михаил Федорович Нестурх, Татьяна Александровна Трофимова, Всеволод Петрович Якимов поддержали официальную оценку старосельской находки Я.Я. Рогинского. М.А. Гремяцкий отметил, что к числу неандертальских признаков черепа нужно добавить также отсутствие лобовых и слабое развитие теменных бугров. М.Ф. Нестурх и Т.А. Трофимова указывали, что примитивные черты могут быть слабо выраженными как раз в детском возрасте. Поэтому взрослые обитатели стоянки вполне могли иметь большее количество неандертальских признаков. Появились солидарные отзывы и в прессе [13. С. 86; 14. С. 24]. Были опубликованы положительные оценки западноевропейских ученых: Г. Ульриха (Германия), Е. Влчека (Чехия), А. Валуа (Франция). Так, в мае 1956 г. французский анатом и антрополог Анри Валуа, автор фундаментального исследования «Палеонтология и происхождение человека» (1950), имел возможность посетить Москву и осмотреть старосельский череп. По мнению специалиста, на черепе присутствовали другие примитивные признаки, которые не указывались в предыдущих публикациях (например, шиньонообразный валик в затылочной части черепа). Французский исследователь также отметил, что мустьерские черепа Западной Европы и Палестины очень близки старосельському. Предпринимались попытки интерпретации черепа первобытного ребенка из Староселья на широком социокультурном фоне. В частности, немецкий антрополог Г. Бах видел в находке подтверждение теории существования в мустьерскую эпоху двух линий развития человека. С одной стороны, неандертальцев, с другой – предков человека современного вида (*Homo Praesapiens*). Пытаясь обосновать параллельное существование этих форм, Г. Бах интегрировал человека из Староселья к наиболее поздней группе линии *Praesapiens* (вместе с людьми пещеры Нахал-Меарот горы Кармель в Израиле).

В.П. Якимов оценивал старосельского палеоантропа несколько иначе. Будучи в то время сторонником теории происхождения человека современного типа от наиболее прогрессивной группы неандертальцев, ученый считал, что специализированные западноевропейские неандертальцы не были предками *Homo sapiens*. Череп из Староселья В.П. Якимов определял именно как подтверждение собственной теории, поскольку находка была переходной формой между неандертальцем и человеком разумным. При этом автор указывал, что череп был найден в юго-восточной Европе и принципиально отличался от черепов западноевропейских неандертальцев [15. С. 61, 62]. Георгий Францевич Дебец в ряде докладов подчеркивал сапиентный характер черепа и, указывая на необычность находки останков *Homo sapiens* в мустьерских отложениях, считал возможным рассматривать мустье Староселья как переходный этап между мустье и поздним палеолитом [16. С. 5]. Таким образом, в интерпретации старосельской находки постепенно формировался ряд направлений. При этом все авторы соглашались, что это останки человека, который, сохраняя в строении собственного организма неандерталоидные черты, уже приближался к человеку современного антропологического типа.

Следует, однако, отметить, что даже в выводах комиссии присутствовал элемент сомнения («с большой вероятностью»). Даже первооткрыватель «старосельского мальчика» А.А. Формозов указывал, что такая находка является первой на территории СССР, поэтому ее следует воспринимать достаточно осторожно. При этом ученый соглашался, что между неандертальцем и современным человеком довольно проблематично выработать завершенный эволюционный ряд, который способен проиллюстрировать постепенное накопление

новых черт культуры и физического строения. По мнению А.А. Формозова, в конце мустье произошел скачок в развитии первобытного человека, своеобразный резкий прогресс в его культуре. Такая ситуация детерминировалась, прежде всего, формированием родовой организации на рубеже древнего и позднего палеолита. Запрет браков между родственниками, возникновение экзогамии приводили к быстрому биологическому прогрессу человека, что обеспечило развитие его материальной культуры в позднем палеолите [17]. Таким образом, биологические факторы окончательно потеряли собственное значение, а в процессе эволюции человека приоритетное значение приобрели исключительно факторы социальные.

Находка старосельского палеоантропа изменила представление и о формировании позднепалеолитической культуры вообще. Речь идет о том, что ранее считалось, что человек современного типа и позднепалеолитические орудия труда возникли одновременно. А.А. Формозов доказывал, что современный тип человека сложился раньше, чем верхнепалеолитическая культура. Это естественный факт, иначе следовало считать, что резкие усовершенствования в типах производственного инвентаря были осуществлены еще неандертальцем, а формирование людей вида *Homo sapiens* не вызвало значительного прогресса в материальной культуре человечества. Таким образом, указывал исследователь, в конце мустьерской эпохи происходило не только медленное накопление новых черт в материальной культуре и физическом виде человека, но и первое появление людей современного типа. Следствием этого стало появление культуры позднего палеолита [18. С. 113, 114]. Акцентируем, что существование ископаемых форм древних людей, которые интегрировали в себе переходные антропологические признаки, теоретически предполагалось всеми учеными (в свое время Г.А. Бонч-Осмоловский пытался отыскать такой тип древнего человека). Однако доказать генетическую связь неандертальца и кроманьонца не получалось (существовала лишь единичная находка в Палестине на горе Кармель – неандертальца с рядом физических особенностей *Homo sapiens*). Старосельское погребение стало вторым подобным открытием.

В течение 1954–1956 гг. в Староселье были обнаружены останки взрослого человека (фрагмент нижней челюсти, лучевой и плечевой костей, некоторые другие), близкого к роду *Homo sapiens*. Такой факт сосуществования человека современного физического типа с набором орудий и техникой неандертальского характера сделало открытие в Староселье предметом внимания мировой науки. В то же время в 1966 г. в Советской исторической энциклопедии было записано, что обнаружены две группы неандертальцев – более древняя и более поздняя. Современный человек происходит от древних неандертальцев, поздние же неандертальцы являются тупиковой ветвью развития. Такая версия, по сути, представила вершину официальной советской палеоантропологии. Выходило, что кроманьонцы и поздние неандертальцы, тысячелетиями проживая рядом, обменивались не генами, а «камнями». Более меткими, как известно, оказались кроманьонцы.

В конце XX в. в процессе консервационно-охранных работ и повторных раскопок в Староселье были найдены останки людей, захороненных там в конце XVIII в. [19]. Таким образом, вполне возможно, что при обрушении навеса кости человека современного типа перемешались с останками маленького неандертальца и в дальнейшем были «неправильно собраны»... Возникала своеобразная повторная история с пилтдаунским человеком 1912 г. Тогда в графстве Сассекс Чарльзом Доусоном были обнаружены останки, которые сочетали в себе черты обезьяны (челюсть) и человека (верхняя часть черепа). На проверку в 1954 г. находка оказалась хитрой подделкой, которая вводила в заблуждение не одно поколение ученых.

В 1997 г. исследователи Мюнхенского университета проанализировали ДНК останков первого неандертальца, найденного еще в 1856 г. После сравнения древней ДНК с таким же фрагментом из клетки современного человека выяснилось, что неандертальцы не были предками современного человека. Существовала еще одна проблема. Ученые изучили так называемую митохондриальную часть ДНК. Каждая макромолекула митохондрии, которую еще называют электростанцией клетки, вмещала 35 генов, переданных потомству только от матери, без влияния родительской генетического материала. То есть неандерталец вполне мог быть отцом кроманьонца при условии, что его матерью была женщина, имевшая генетический код, который не встречается на нашей планете. Перед теорией Ч. Дарвина и положениями классического антропогенеза появились новые проблемные вопросы.

Значение Старосельской стоянки и палеоантропологических находок на ее территории являются уникальными и полиаспектными. Это, во-первых, попытки доказательства теории сосуществования кроманьонцев и неандертальцев. Во-вторых, утверждение положения, что неандертальцы – закономерная стадия в развитии человека современного вида (теория Ч. Дарвина). В-третьих, решение вопроса о появлении в позднемустьерское время отдельных приемов обработки кремня, что предвещало позднюю технику выработки орудий. В-четвертых, подтверждение положения о возникновении родовой организации на рубеже мустье и позднего палеолита. В-пятых, обоснование наличия обряда погребения в эпоху мустье.

После обнаружения старосельского захоронения прошло 20 лет. 13 августа 1973 г. Крымская палеолитическая экспедиция Института археологии АН УССР отыскала на мустьерской стоянке Заскальная VI (на север от Белогорска в Восточном Крыму) еще одно детское погребение (руководители – Юрий Георгиевич Колосов и Виктор Федорович Петрунь). Открытию захоронения предшествовали находки в 1970 и 1972 гг. отдельных человеческих костей неандертальцев – взрослого и подростка. Первую кость, обломок затылочной части черепа женщины, извлекли из траншеи, заложенной на склоне под стоянкой Заскальная V. Эта кость оказалась на глубине 70 см от современной поверхности среди многочисленных обработанных кремней, смешанных с костями животных. Из небольшой по площади траншеи было добыто несколько сотен кремневых орудий – остроконечников, ножей, скребков, костные останки мамонта, дикого коня, осла, сайги, благородного оленя, первобытного быка и т.д. (рис. 3)

[20]. Обломок черепа, как весь костный и кремневый материал вообще, попал в траншеи в результате размыва культурных слоев стоянки Заскальная V. По мнению Ю.Г. Колосова, этот обломок относился к разрушенному захоронению на стоянке.

Рис. 3

Знаковой стала палеоантропологическая находка из третьего культурного горизонта Заскальная VI, которая располагалась в самом центре мустьерского поселения на глубине примерно 180 см от современной поверхности. Эта находка – часть левой половины человеческой нижней челюсти с 3 зубами, 14 отдельных зубов, несколько мелких обломков нижней челюсти и 8 фрагментов пяточных костей и фаланг пальцев руки. Все кости лежали довольно компактно, в радиусе 40 см. Вокруг и рядом с ними были обнаружены кремневые изделия и кости ископаемых животных. На челюстях, найденных возле Ак-Кая (Белая скала), не было подбородочного выступа и четко наблюдались признаки, характерные для неандертальцев. Возраст индивида (гипотетически девушки) был установлен в пределах 10–12 лет. Однако главным открытием на мустьерских памятниках Ак-Кая стала находка детского погребения. Скелет находился немного ниже третьего культурного слоя, на глубине около двух метров от современной поверхности. Захоронения в условной могильной яме сохранились не полностью (горизонтально и в анатомическом порядке располагалась стопа со всеми фалангами пальцев и часть берцовой кости; под берцовой костью – несколько костей от второй стопы; рядом – фрагмент бедренной кости). В процессе расчистки захоронения были обнаружены некоторые кости верхней части скелета: фаланги кисти и лучевая кость руки, ключица, ребро и обломки других ребер, а также фрагменты позвонков, таза и т.д. [21. С. 97, 98].

Ю.Г. Колосов, описывая обряд захоронения неандертальцев Восточного Крыма, отмечал, что умершего клали наземь под сводами навеса немного в скорченном состоянии, на левом боку. Головой он был обращен на юг, ногами на север – перпендикулярно к выходному отверстию грота. Затем тело присыпали песком. Комиссия ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, прибывшая на место раскопок, во главе с членом-корреспондентом АН УССР Сергеем Николаевичем Бибиковым (председатель комиссии), профессором В.П. Якимовым, академиком АН УССР Иваном Григорьевичем Пидопличко, археологами-палеолитоведами Василием Прокофьевичем Любиным и Сергеем Владимировичем Смирновым, проанализировав стратиграфию культурных слоев раскопа, пришла к единодушному выводу о достоверности неандертальского захоронения.

Среди дискуссионных вопросов интерпретации антропологических останков Ак-Кая снова актуализировалась проблема ориентации умерших в захоронениях. По этому поводу А.П. Окладников отмечал, что одинаковое ориентирование скелетов и идентичное их положение наблюдаются независимо от территории как в Западной Европе, в Крыму, так и в Палестине: все они обращены головой на восток или на запад [1]. Причину такой ориентации ученый видел в том, что умерших всегда клали поперек гротов, а гроты открыты преимущественно на солнечную сторону. Совпадения в положении скелетов и особенно в их ориентировке указывали, по мнению ученого, на определенные общие черты мустьерских захоронений, связанные с отношением людей того времени к мертвым, с их представлениями о смерти и др.

В то же время в Крыму на протяжении XX в. уже можно было проследить черты, не свойственные мустьерским погребениям других территорий. Например, захоронение в Староселье не с подогнутыми, а вытянутыми ногами; похороненного клали не поперек, а вдоль входной стороны навеса. Что касается детского погребения на стоянке Заскальная VI, то там положение умершего осуществлялось не поперек, а вдоль навеса с ориентацией головы на юг. Ю.Г. Колосов, справедливо акцентируя, что три крымских палеолитических погребения, с одной стороны, не соответствуют схеме А.П. Окладникова, а с другой – не лишены известного единства в расположении скелетов, рассматривал это явление как специфическое для детских захоронений Крыма времени мустье. Очевидно, что на примере нескольких погребений трудно сформулировать четкие выводы. Необходимы открытие и тщательное изучение большего числа подобных памятников. В дальнейшем в археологическом сезоне 2013 г. на стоянке Заскальная V был найден зуб неандертальца, который после проведения соответствующих анализов оказался самой старой антропологической находкой в Европе (около 80 тыс. лет) (рис. 4).

В конце XX в. в 1991 г. украинским археологом А.А. Яневичем было обнаружена и комплексно исследована многослойная стоянка каменного века Буран-Кая в скальном навесе в среднем течении р. Бурульча (Горный Крым). Памятник вмещал целую серию археологических слоев: таш-аирской культуры (слой 3), свидерской культуры (слой 4), шан-кобинской культуры (слой 5), буранкайской культуры (слои 6-1, 6-2), позднего ориньяка (слои 6-3, 6-4, 6-5), киик-кобинской культуры (слои В, В1) и восточного селета (слой С). В течение 1991, 2001 гг. на территории стоянки было найдено значительное количество человеческих костей, зубов, орудий труда, украшений из слоновой кости и останков животных (около 200 позиций). На антропологических остан-

ках были замечены следы резьбы, свидетельствующие, что умерших на стоянке готовили к ритуальному захоронению. Возраст находок, определенный с помощью радиоуглеродного анализа, показал около 32 тысяч лет назад. Таким образом, были открыты древнейшие свидетельства о первобытном человеке Восточной Европы.

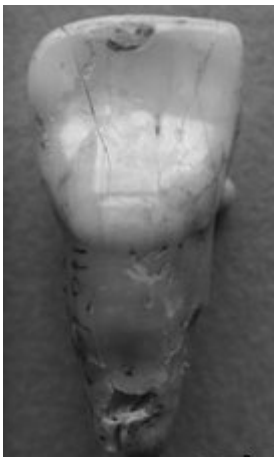

Рис. 4

По данным экспертов, анализ антропологических остатков указывал на принадлежность этих представителей человеческого рода к граветтской культуре, широко распространенной в Европе 28–21 тыс. лет назад. Буран-кайские находки стали отправной точкой для формулирования гипотезы о культуре наиболее ранних представителей рода *Homo sapiens*, а также актуализировали вопрос о путях проникновения древнего человека на территорию Европы (не с Ближнего Востока, а с Русской равнины). Таким образом, Крымский регион на протяжении XX в. стал научной лабораторией передового опыта в области разработки методики раскопок и фиксации находок пещерных памятников, комплексного подхода к найденному материалу, глубокой его обработки и анализа, образцом оперативного введения в научный оборот ценных фактов, материалов по первобытной истории региона и страны в целом. Из культурных слоев археологи добывали не только каменные орудия палеоантропов, кости убитых ими животных, уголь их костров и т.п., но и остатки собственно первобытного человека, которые предоставили методологический и прикладной фундамент для оптимизации решения вопросов первобытной истории и теории антропогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А.П.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // Советская этнография. 1952. № 3. С. 159–180.
2. *Бонч-Осмоловский Г.А.* Палеолит Крыма : в 3 вып. М. ; Л.: Изд-во АН СССР. Вып. 1: Грот Киик-Коба. 1940. 226 с.; Вып. 2: Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. 1941. 172 с.; Вып. 3: Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / под ред. и доп. В.В. Буняка. 1954. 399 с.
3. *Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я.* Антропология. Краткий курс. М. : Учпедгиз, 1941. 376 с., 2 вкл., ил., карт., схем. 26 см.
4. *Якимов В.П., Харитонов В.М.* К проблеме крымских неандертальцев // Исследование палеолита в Крыму. К. : Наукова думка, 1979. С. 56, 66.
5. *Рогинский Я.Я.* Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье // Советская этнография. 1954. №1. С. 27–41.
6. *Колосов Ю.Г.* Об исследователях палеолитической стоянки Староселье в Крыму (ответ А.А. Формозову) // Российская археология. 1998. № 4. С. 226–229.
7. *Формозов А.А.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА СССР. 1958. № 71. 125 с.
8. *Замятнин С.Н.* Очерки по палеолиту. М ; Л.: АН СССР, 1961. 176 с.
9. *Плисецкий Н.С.* О так называемых неандертальских погребениях // Советская этнография. 1952. № 2. С. 151–156.
10. *Бобин В.В.* Морфологические особенности скелета ребенка мустьерского времени, найденного в Староселье под Бахчисараем, и значение этой находки // Труды КГМИ. Симферополь. 1954. Т. 16. С. 85–90.
11. *Левин Н.Г.* Палеоантропологические находки 1953 года // Тезисы докладов на сессии отдела исторической науки и Пленума ИИМК, посвященного итогам археологических и этнографических исследований 1953 года. М., 1954. С. 24, 25.
12. *Якимов В.П.* Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов // Советская этнография. 1954. № 3. С. 57–62.
13. *Основные* результаты палеоантропологических исследований в СССР // Доклады советских делегатов на Пятом Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956. С. 4, 5.
14. *Ефименко П.П.* Дородовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического. М. ; Л.: Коминтерн, 1934. 532 с.
15. *Храпунов И.Н.* Древняя история Крыма. Симферополь : Сонат, 2003. 192 с.
16. *Колосов Ю.Г.* Ранний палеолит Крыма (Культурно-хронологическая периодизация. Аккайская мустьерская культура) : автореф. … д-ра ист. наук. К., 1985. 34 с.
17. *Колосов Ю.Г.* Аккайская мустьерская культура. Киев : Наукова думка, 1986. 224 с.
18. *Колосов Ю.Г.* Белая скала / общ. ред. С.Н. Бибиков. Симферополь : Таврия, 1977. 95 с. : ил. (Археологические памятники Крыма).
19. *Чабай В.П.* Середній палеоліт Криму: зміст типологічної варіабельності : автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.04; НАН України. Ін-т археол. К., 2006. 32 с. укр.; также http://www.ukrinform.ua/rus/news/arheologi_nashli_drevneyshiy_zub_neandertaltsa_1588574
20. *Яневич А.А.* Буран-кайская культура граветта Крыма // Археологія. 2000. № 2. С. 11–19.
21. *Яневич А.А.* Буран-Кая 3 в комплексі пізнього палеоліту Криму // АЗХОДІОП. 1999. № 1. С. 132–140. Homo Sapiens родом із Криму. Сенсація від українських археологів // http://www.kobzar.at.ua/news/homo_sapiens_rodom_iz_krimu_sensacija_vid_ukrajinskikh_arkheologiv/2011-07-06-784.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2014 г.

ANTHROPOLOGICAL REMAINS OF THE PALEOLITHIC OF THE CRIMEA: HISTORY AND HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY

Tomsk State University Journal. No. 384 (2014), 136-142. DOI: 10.17223/15617793/384/24

Cherkasov Aleksey V. State Maritime University named after Admiral F.F. Ushakov, the Crimean branch (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: lakets2006@meta.ua

Keywords: initial history and archeology of the Crimea; paleoanthropes; Mousterian; Neanderthals Paleolithic anthropological remnants of primeval monument; historiography of primitive history; theory of anthropogenesis.

In the article, on the basis of a comprehensive analysis of materials, the stages and features of searching, studying and interpreting the remains of Paleolithic men on the territory of the Crimean Peninsula during the twentieth century are discussed. The first traces of human presence on the territory of the Crimean Peninsula date back to the Ancient Stone Age that continued from 2 million years to the 14th – 10th centuries BC, the Crimean Peninsula is situated in the South of Europe and had almost not been affected by the glacier. In the Crimean mountains there were a lot of caves and rock shelters convenient for man sites. Mild climate, plenty of wild animals and a rich and diverse vegetation created favorable conditions for the habitation of the primitive man. The main attention in the publication is focused on such significant monuments of ancient history of the region as Kiik-Koba (G.A. Bonch-Osmolovsky, 1924), Staroselye (V.P. Katsur, A.A. Formozov, 1952), Zaskal'naya V - VI (Yu. G. Kolosov, V.F. Petrun', 1970), Buran-Kaya (A.A. Yanevich, 1991). The organizational, methodological and socio-cultural continuity in the study of these monuments is specified, in particular, in attempting to substantiate the official theory of anthropogenesis (Neanderthals as a natural stage in the development of the modern human species), to solve the question about the appearance in the Late Mousterian of new technological methods of flint processing, the tribal organization of society and the rite of burial. In addition, the focus is that, although the discovered remains of the prehistoric people in the Crimea during this historical period were few, they presented a considerable interest for the study of evolution of the Mousterian man in general. For example, in Kiik-Koba and Zaskal'naya the remains had more pronounced Neanderthal features, while in Staroselye they had a more developed sapiens form. This was the basis of the provision that Homo Sapiens of the Late Paleolithic of the Crimea was formed on the basis of the local Mousterian culture.

REFERENCES

1. Okladnikov A.P. O znachenii zakhoroneniy neandertal'tsev dlya istorii pervobytnoy kul'tury [On the significance of Neanderthal burials for the history of primitive culture]. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no. 3, pp. 159-180.
2. Bonch-Osmolovskiy G.A. Paleolit Kryma: v 3 vyp. [The Palaeolithic of the Crimea. In 3 issues]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1940-1954.
3. Bunak V.V., Nesturkh M.F., Roginskiy Ya.Ya. *Antropologiya. Kratkiy kurs* [Anthropology. A Short Course]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1941. 376 p.
4. Yakimov V.P., Kharitonov V.M. *K probleme krymskikh neandertal'tsev* [On the problem of the Crimean Neanderthals]. In: *Issledovanie paleolita v Krymu* [The Study of the Paleolithic in the Crimea]. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1979, pp. 56-66.
5. Roginskiy Ya.Ya. Morfologicheskie osobennosti cherepa rebenka iz pozdnemust'erskogo sloya peshchery Starosel'e. [Morphological features of the child's skull from the Late Mousterian cave in Staroselye]. *Sovetskaya etnografiya,* 1954, no.1, pp. 27-41.
6. Kolosov Yu.G. Ob issledovatelyakh paleoliticheskoy stoyanki Starosel'e v Krymu (otvet A.A. Formozovu) [About researchers of the Paleolithic Staroselye in the Crimea (Answer to A.A. Formozov)]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1998, no.4, pp. 226-229.
7. Formozov A.A. Peshchernaya stoyanka Starosel'e i ee mesto v paleolite [Staroselye cave site and its place in the Paleolithic]. *MIA SSSR,* 1958, no. 71, 125 p.
8. Zamyatnin S.N. *Ocherki po paleolitu* [Essays on the Paleolithic]. Moscow, Leningrad: USSR AS Publ., 1961. 176 p.
9. Plisetskiy N.S. O tak nazyvaemykh neandertal'skikh pogrebeniyakh [On the so-called Neanderthal burials]. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no. 2, pp. 151-156.
10. Bobin V.V. Morfologicheskie osobennosti skeleta rebenka must'erskogo vremeni, naydennogo v Starosel'e pod Bakhchisaraem i znachenie etoy nakhodki [Morphological features of the skeleton of the child of the Mousterian period found in Staroselye under Bakhchisarai and the significance of this finding]. *Trudy KGMI,* vol. 16, 1954, pp. 85-90.
11. Levin N.G. [Paleoanthropological findings in 1953]. *Tezisy dokladov na sessii otdela istoricheskoy nauki i Plenuma IIMK* [Proc. of the session of Historical Science Department and the Institute of History of Material Culture Plenum]. Moscow, 1954, pp. 24-25. (In Russian).
12. Yakimov V.P. Problema sootnosheniya iskopaemykh lyudey sovremennogo i neandertal'skogo tipov [The problem of correlation of fossil people of modern and Neanderthal types]. *Sovetskaya etnografiya,* 1954, no. 3, pp. 57-62.
13. The main results of paleo-anthropological research in the USSR. Reports of the Soviet delegates at the Fifth International Congress of Anthropologists and Ethnographers. Moscow, 1956, pp. 4-5.
14. Efimenko P.P. *Dorodovoe obshchestvo. Ocherki po istorii pervobytno-kommunisticheskogo* [Prenatal society. Essays on the history of the primitive communal]. Moscow, Leningrad: Komintern Publ., 1934. 532 p.
15. Khrapunov I.N. *Drevnyaya istoriya Kryma* [Ancient History of the Crimea]. Simferopol: Sonat Publ., 2003. 192 p.
16. Kolosov Yu.G. *Ranniy paleolit Kryma: (Kul'turno-khronologicheskaya periodizatsiya. Akkayskaya must'erskaya kul'tura).* Avtoref. d-ra istor. nauk [Early Paleolithic of the Crimea (cultural and chronological periodization. Akkaya Mousterian). Abstract of History Dr. Diss.]. Kyiv, 1985. 34 p.
17. Kolosov Yu.G. *Akkayskaya must'erskaya kul'tura* [Akkayskaya Mousterian]. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1986. 224 p.
18. Kolosov Yu.G. *Belaya skala* [White Rock]. Simferopol: Tavriya Publ., 1977. 95 p.
19. Chabay V.P. Seredniy paleolit Krimu: zmist tipologichnoï variabel'nosti. Avtoref. dis. d-ra ist. nauk [Abstract of History Dr. Diss.]. Kyiv, 2006. 32 p. Available at: http://www.ukrinform.ua/rus/news/arheologi_nashli_drevneyshiy_zub_neandertaltsa_1588574. (In Ukrainian).
20. Yanevich A.A. Buran-kayskaya kul'tura gravetta Kryma [Buran-Kaya Gravettian culture of the Crimea]. *Arkheologiya*, 2000, no. 2, pp. 11-19.
21. Yanevich A.A. Buran-Kaya 3 v kompleksi pizn'ogo paleolitu Krimu. *AZKhODIOP,* 1999, no. 1, pp. 132-140. (In Ukrainian). Homo Sapiens rodom iz Krimu. Sensatsiya vid ukraïns'kikh arkheologiv. Available at: http://kobzar.at.ua/news/homo_sapiens_rodom_iz_krimu_sensacija_vid_ukrajinskikh_arkheologiv/2011-07-06-784. (In Ukrainian).

Received: 20 May 2014